

Макс ЭЙВЕ

Выступление в центральном доме журналиста

И до войны у наших шахматистов были прекрасные отношения тогда еще не с профессором, а с молодым

доктором М. Эйве, хотя в то время он побывал в СССР всего один раз. И мы, действительно, в 1946 году воочию убедились в том, как хорошо он стал относиться к нашей стране. Да, это было очень трогательно, когда на открытии groningenского турнира М. Эйве вместе со своими тремя юными дочерьми (сейчас у него еще и одиннадцать внуков) исполнил популярную русскую песню «Широка страна моя родная».

Профессор Эйве остается юным и душой и внешностью – вот так «стареет» наш друг, и нам хочется ему пожелать оставаться только таким. В шахматах сказывается характер человека... Эйве за шахматной доской всегда был исключительно гибким, Алехин называл его прекрасным тактиком. Если он допускал ошибку, то всегда старался ее быстро исправить. Вот почему мы можем надеяться что Эйве будет хорошим президентом всех шахматистов. Кроме того Эйве – настоящий исследователь, способный решать самые сложные стратегические задачи. И потому мы уверены, что новый, третий президент ФИДЕ сумеет справиться со сложным и огромным механизмом, который достался ему в управление. Механизмом, состоящим из 80 национальных федераций!

Это, конечно, исключительно удачно, что во главе шахматного мира стоит не только талантливый организатор, но в то же время и творческий человек, выдающийся шахматист. Мы ждем от своего президента еще большей заботы о творческих людях – шахматистах, мы ждем действий, которые поднимут уважение к шахматам. Надеемся на объективность и справедливое отношение к национальным федерациям – членам ФИДЕ.

Желаем профессору М. Эйве, чтобы шахматы при его президентстве достигли еще большего расцвета во всем мире.

Пятый чемпион

В 1934 году Большой зал Ленинградской филармонии был переполнен. Турнир мастеров с участием Макса Эйве и Ганса Кмоха. Сидя за шахматным столиком, Эйве вытягивал свою левую ногу располагая ее на стуле, – в этом положении ему не так больно (купаясь в Черном море накануне турнира, Эйве ушиб ногу).

Контракт с Алехиным о матче на первенство мира уже подписан; матч год спустя будет происходить в Голландии. Шахматный мир не сомневался в победе Алехина – с 1927 года, после выигрыша матча у Капабланки, Алехин побеждал во всех турнирах, где он играл. Правда, за несколько месяцев до ленинградского турнира Алехин в Гастингсе отстал от первого призера – Флора – на пол-очка. Но какое это имеет значение? Более важно, что у Эйве не было особо больших успехов.

Тем не менее 34-летний Эйве матч выиграл и стал пятым чемпионом мира. Когда в 60-х годах мы с ним выступали в Иркутске Эйве выразил желание прочесть лекцию о двух своих матчах с Алехиным (матч-реванш в 1937 году Эйве проиграл). Я боялся неблагоприятной реакции собравшихся любителей шахмат: ведь все они были поклонниками великого шахматиста Александра Алехина. Но Эйве действовал с поразительным искусством. Да, признал он, Алехин в 1935 году злоупотреблял алкоголем. К сожалению, он так поступал не только во время матча на первенство мира, но и во время соревнований. Стало быть, в том, что Эйве превзошел Алехина в 1935 году, ничего удивительного не было, поэтому Эйве по праву стал чемпионом. А в 1937 году, сказал Эйве, Алехин уже восстановил свою спортивную форму, и он, Эйве, уже не мог с ним справиться. Слушатели наградили экс-чемпиона аплодисментами – я вздохнул с облегчением...

Макс Эйве был прагматиком, он легко адаптировался в изменяющихся обстоятельствах. Таким он был в жизни, таким – и в шахматах. Он изучил в шахматах все, что было опубликовано. Поэтому Эйве хорошо владел известными стратегическими приемами. Но прагматик не может быть стратегом, а стратег – прагматиком. И после матч-реванша 1937 года Алехин справедливо заметил, что по таланту Эйве является тактиком!

Тактиком Эйве был выдающимся. Просмотров у него почти не было, а хитрые неожиданные ходы он просто «выкапывал». Я тоже был неплохим тактиком, но тактика никогда не являлась основой моей игры, и поэтому первые наши встречи заканчивались не в мою пользу...

Результат турнира в Ленинграде зависел от моей неоконченной партии с И. Рабиновичем. Выиграв затянувшийся эндшпиль, я с опозданием явился на заключительный банкет в Доме ученых. Макс поздравил меня и тут же сказал, что устроит мне приглашение на турнир в Гастингс. Тогда он все свои обещания, видимо, хорошо помнил – я не заметил у него записной книжки, в которую впоследствии он заносил все свои дела. О чем только его не просили! Здесь были и приглашения, и просьба поддержать молодых шахматистов и просьбы о материальной помощи, просили книги, заказывали статьи... Эйве, как правило, никому не отказывал. Используя каждую свободную минуту, он мелким четким почерком (обычно по-немецки) писал статьи, примечания или интервью...

Широта его интересов была поразительной. Никогда не расставаясь с шахматами (сколько шахматных книг он написал...), он преподавал математику в женском лицее, а когда появилась вычислительная техника, стал представителем фирмы «Ремингтон» в Европе – разъезжал по многим странам и консультировал фирмы: какая ЭВМ больше подходит для использования в данных условиях. Потом работал главным специалистом в бюро по электронике, которое ведало размещением заказов (каких – не знаю, но пройти в помещение бюро было нелегко), был председателем комиссии Евратома по шахматному программированию. Стал профессором двух университетов, был и президентом ФИДЕ.

Эйве любил путешествовать. Еще в начале 30-х годов совершил кругосветное турне, после чего его окрестили «Летучим голландцем». Как-то я ему рассказал, что выступал в Тюмени и Сургуте, а вот до Салехарда, где живут оленеводы, не добрался...

– Поехали вместе? – предложил Макс.

Долго я уговаривал его стать президентом ФИДЕ, считая, что лишь шахматист, который был чемпионом мира, может понять важность устойчивых и справедливых правил проведения соревнований на первенство мира (президент Рогард отменил постоянно действующие правила). Эйве долго не соглашался, но затем изменил свое мнение и прилетел в Москву, чтобы выяснить позицию Советской шахматной федерации. Я сразу примчался в отель «Метрополь» пошли мы в ресторан (сидели в том самом зале, где в 1925 году проходил знаменитый международный турнир), и за дружеской беседой я высказал надежду, что теперь-то уж будут приняты справедливые правила... Неожиданно будущий президент спрашивает:

– А можно ли будет кроме матчей раз в три года (с претендентом по отбору) проводить дополнительные матчи на мировое первенство?

Я обомлел.

– А с кем же чемпион будет играть?

– С сильным гроссмейстером, который обеспечит призовой фонд, – отвечает Эйве.

– А если будет два вызова, тогда кто будет иметь приоритет?

– Тот, кто обеспечит больший приз, – последовал незамедлительный ответ.

– Стало быть, стать чемпионом получит надежду не тот, кто талантливей, а тот, кто найдет больше денег?

Эйве в знак капитуляции поднял руки вверх. И сдержал слово – подобных матчей не проводил... Но кое-что другое как президент он все-таки сотворил в этих правилах! И неудивительно – прагматик в создавшейся ситуации находил наиболее «удобное» решение. Тогда я понял: прагматик не должен быть президентом. Однако мое мнение реального значения не имеет – важно, чтобы это понял шахматный мир. Пока этого еще не произошло.

И вот в марте 1975 года, когда предпринимались отчаянные попытки «уговорить» Р. Фишера играть матч с А. Карповым, я обратился к президенту ФИДЕ со следующим открытым письмом:

Дорогой профессор!

Мы с вами являемся последними могиканами из племени чемпионов, действовавших в первой половине нашего столетия, и вряд ли кто другой лучше нас понимает опасности, угрожающие сейчас шахматному миру.

Несомненно, Вы помните то время, когда ФИДЕ взяла в свои руки проведение соревнований на первенство мира. Это был период (примерно 1947 – 1956 годы), когда общие интересы шахмат возобладали над интересами национальными, групповыми и личными. В шахматном мире торжествовал справедливый порядок. Правда, всемирное шахматное сообщество не выполняло тех своих обязанностей, о которых говорил в свое время Эм. Ласкер, – оно не позаботилось о материальной основе жизни создателей творческих шахматных произведений, но не все же сразу...

Затем наступил период (примерно 1956 – 1969 годы), когда сторонники частных интересов постепенно

отвоевывали позиции у защитников интересов общих. Так был отменен матч-турнир четырех – дамоклов меч, который висел над головами участников матча на первенство мира и заставлял их стремиться к обоюдному согласию; было отменено право побежденного чемпиона на реванш, что связано с потенциальным ущербом для творческого начала в шахматах. Но это еще было терпимое время.

С 1970 года эгоистические интересы начали праздновать победу. Постоянно действовавшие правила борьбы за первенство мира были превращены в клочок бумаги, а затем упразднены. Был отброшен и принцип обязательного проведения матчей на мировое первенство один раз в три года – святая святых, провозглашенная на конгрессе в Париже в 1949 году. Количество участников в межзональном отборе было доведено до 36, что увеличило случайность результатов отбора. Максимальное число партий, которое могут сыграть претенденты было увеличено до 60, а количество партий в матче на первенство мира – до 36, что также свидетельствует о пренебрежительном отношении к интересам шахматного творчества. Высокие, зависящие от случая призы участникам – своего рода барская подачка – говорят о том же.

Вы, вероятно, не забыли наши беседы (они велись до 1970 г.), профессор, когда я уговаривал Вас дать согласие стать президентом. Мы обсуждали вопросы развития шахмат, создания прочной материальной базы для шахматного творчества, т. е. то, о чем мечтал Ласкер; Ваша будущая президентская программа была превосходной, она имела в виду торжество общих шахматных интересов. А что получилось после выборов? Президент ФИДЕ делает не то, о чем мечтал Ласкер а то, что ему диктует г-н Эдмондсон, который утверждает при этом что он действует от имени чемпиона мира.

Справедливости ради отмечу, что, не только ФИДЕ и ее президент не проявили должной принципиальности. К сожалению, и советская федерация иногда оказывалась не на высоте положения, а возможно, также и тот, кто пишет эти строки...

Все же я являюсь оптимистом. Как-то пришлось мне прочесть рассказ Марка Твена о незадачливом женихе, который в канун свадьбы неизменно попадал под трамвай, что каждый раз было связано с какой-нибудь ампутацией. Вот и возникает философский вопрос: каким калекой должен стать жених, чтобы невеста (которая его горячо любит) отказалась наконец от замужества? Позволительно в связи с этим спросить: сколько лет должен не выступать в соревнованиях чемпион (талант которого все высоко ценят), чтобы шахматный мир понял наконец, что общие интересы превыше любых эгоистических?

Ранее, когда мы сидели за шахматным столиком, профессор меня иногда в смятение приводили Ваши неожиданные ходы. Надеюсь, что и сейчас Вы найдете ход, который одобрят шахматный мир и вернет Вам симпатии и доверие как Ваших коллег, так и любителей шахмат (в том числе и советских, и американских). В этом справедливом деле Вы всегда можете рассчитывать на содействие старого друга...

И хотя, когда Макс стал президентом, наши мнения разошлись добрые отношения остались. Как я радовался, когда получал очередное дружеское письмо из Амстердама, написанное хорошо знакомым мелким, аккуратным почерком!

Многие годы, когда я приезжал в Голландию, Макс охотно приходил на приемы в советское посольство. Затем обстоятельства изменились. Однажды мы с послом присутствовали на живых шахматах на площади перед Королевским дворцом в Амстердаме. Посол пригласил Эйве принять участие в шахматном вечере для дипломатов. Эйве нашел ловкий ход:

- А американский посол придет? – спросил он в уверенности что тот-то уже отклонил приглашение.
- Обязательно будет, он любит шахматы.

Пришлось Максиму приехать в Гаагу, и мы с ним давали альтернативный сеанс (делали ходы по очереди) и выиграли как у американского, так и у советского посла.

Теперь этого полного энергии человека нет. Зачем в октябре он поехал на Ближний Восток, сменив дождливый и прохладный климат Нидерландов на сухую жару? Может, это было ему не под силу?

Чемпионы мира уходили из жизни строго по возрасту и по очередности завоевания шахматной короны. Итак, следующий – автор этих строк. Позвонил я Смыслову и напомнил, что за мной его черед. Смыслов смеялся. Конечно, пока я жив, он может смеяться!..

Эйве был интеллектуалом высокого ранга. Быстрота соображения, понимание намерений собеседника были исключительными. В 1967 году играли мы со Смысловым в Пальма-де-Мальорке, а Эйве приехал как почетный гость. После очередного тура обсуждали мы с Максом проблему искусственного гроссмейстера. Смыслов слушал-слушал и вдруг спрашивает:

- Скажите, а когда все это может произойти?

Эйве незаметно взглянул на встревоженного Смылова, сделал вид, что призадумался, похлопал собеседника по плечу и с затаенной хитринкой в глазах произнес:

- Ну, лет через двадцать... – Макс высчитал, что к тому времени Смыслов уже играть не будет!

Вообще профессор Эйве не верил, что проблема искусственного гроссмейстера может быть решена. Тем не менее он внимательно и с симпатией следил за моей работой в этой области. И хотя он оставался скептиком, все же понимал великое значение решения этой задачи. И однажды заявил мне:

– Если вам удастся решить задачу создания программы гроссмейстера, то все то, что сделали вы в жизни до этого, – ерунда!

Эйве не будет забыт – такие личности не забываются. Но понять сейчас, что писем от него уже не будет, пока не могу...